

УДК 94+930(47+57)«19»

Крупенкин Е.Н., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия)

КОНЦЕПЦИЯ ФРОНТИРА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье на основе сравнительного анализа работ преимущественно отечественных ученых рассматривается современное состояние концепции фронта в России. Опираясь на классическое определение фронта, отечественные исследователи расширили понимание фронта, выделив ряд черт, критериев. Вместе с этим, в отечественной науке концепция фронта начала развиваться только в последние четверть века. В статье сделана попытка объединить наиболее важные определения современных отечественных исследователей данной концепции и выявить основополагающие элементы фронта. Так как концепция применима для процесса расширения границ в самом широком смысле этого слова («свой – чужой»), то представляется возможным применение ее в изучении процесса расширения российских имперских границ на окраинах Российской империи. Для этого необходимы четкие критерии фронта; важно определить его типы, чтобы изучая процесс продвижения Российской империи к своим рубежам, выделить составляющие ее внутренней и внешней политики. Азиатское направление российской внешней, а затем и внутренней политики требует особого рассмотрения, т.к. оно с точки зрения теории фронта никогда не изучалось. Сегодня, когда историческая наука накопила значительный нарративный материал по истории колонизации, его интерпретация с помощью фронтальной методологии представляется актуальным и интересным.

Ключевые слова: фронт, Ф. Дж. Тернер, Российская империя, XIX век, колонизация, типологизация фронта, критерии фронта, граница.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-87-93

С того момента, когда американский историк Фредерик Джексон Тернер в 1893 г. впервые предложил на суд профессионального сообщества свою фундаментальную концепцию «фронта» («границы») в американской истории, она существенно расширилась.

Изначально термином «фронт» (граница, рубеж) автор хотел обозначить историческое значение приграничной полосы или область «свободных земель во внутренних районах североамериканского континента, которая на протяжении всей истории страны вплоть до конца XIX в. осваивалась белыми поселенцами и постепенно перемещалась... на Запад» [9, с. 7]. При этом окраины являлись «внешним краем волны – местом контакта дикости и цивилизации» [9, с. 15].

Цивилизаторами являлись переселенцы с Европы и с Атлантического побережья США.

В нашей стране в советский период под влиянием формационного подхода к историческому процессу данная концепция не получила своего развития. Но в 1990-е г. российская историческая наука открыла для себя и это направление. Если западные исследователи в достаточной мере освоили этот подход в интерпретации событий прошлого и накопили большой опыт, то в России его серьезная разработка началась в последние не-

сколько десятилетий, когда наука освободилась от идеологических штампов.

Ф. Дж. Тернер, в свое время предложив этот подход при характеристике западными колонистами освоения Нового Света, не сделал его закрытым. Концепция фронта представляется интересной не только в отношении понимания истории колонизации Северной Америки, но и Южной Америки, Австралии, Африки. С некоторыми оговорками, доработками современные отечественные исследователи пытаются доказать применимость этого подхода и к российской истории. Российская империя в XIX в., существенно расширив свои владения в Средней Азии, оказалась в новых условиях, которые сегодня можно попытаться интерпретировать, используя фронтальный подход.

Поскольку данная концепция в российской историографии получила развитие в последние четверть века, исследователи только формируют ее контуры, разрабатывают критерии. Плодотворными оказались современные исследования по истории Сибири, Северного Кавказа, Прикаспийского региона. Применяя концепцию фронта, исследователи рассматривали освоение этих окраин как аналог американского фронта. В ряде научных статей объектом фронтального подхода явилась, например, Сибирь [Например, 4, 5, 10].

Так же, по результатам международной научной конференции “Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)”, проведенной в 1996 году в Томском государственном университете был издан сборник статей, посвященный проблемам сравнительного изучения освоения Североамериканского континента и Сибири [1]. Среднеазиатское направление на конференции затронуто не было.

Помимо метода анализа в статье были использованы: сравнительный метод, позволивший выявить различие в методологии исследователей российского фронта; типологический, способствовавший пониманию того, как представители различных научных направлений формулируют свои критерии фронтальной методологии и отвечают на критические замечания других исследователей; системный метод, дающий возможность рассмотреть феномен фронта в контексте условий времени его изучения, а так же дисциплинарной принадлежности авторов-исследователей.

Работы российских исследователей показывают, что в современной отечественной литературе концепция фронта только недавно начала развиваться, соответственно, эвристические возможности для разработки концепции в российской науке лежат в очень широкой плоскости и на междисциплинарном уровне. Это не только дает возможность использования многочисленных и разнообразных методик исследования в исторической науке, но такое многообразие усложняет работу, так как возникает необходимость выборки подходящих в условиях эволюции самой методологии фронта.

Видный омский ученый А.В. Ремнев, обращаясь в основном к теме колонизации и управления Сибири и лишь частично к управлению Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами, сделал вывод, что задачи государства были более узкими, а именно они преследовали цель колонизировать все пространство восточнее Уральских гор. Напомним, что южные части этих двух генерал-губернаторств после образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. вошли в состав последнего. Основной акцент исследователь сделал на крестьянское переселение [6. с. 59]. Привлекая разнообразный материал региональных и

столичных архивов, он показал, что государство крестьянам отдавало роль культуртрегеров в Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской областях. Подтверждается это выводами Степной комиссии, которая заключала, что их роль «будет иметь благотворное влияние на быт народа и подготовит его к полному соединению с Россией. В этих видах колонизация русским населением киргизских степей... имеет важное значение для всего государства» [Цит. по: 6. с. 60]. Но такая политика наталкивалась на ряд проблем. В.В. Шевцов, исследуя сибирскую периодическую печать второй половины XIX – начала XX в., показал, что на страницах губернских ведомостей Сибири этому процессу отводили важное значение. Также автор пришел к выводу о том, что авторы XIX в. понимали, что «...препятствием же к этому [колонизации] были слабое развитие образования, административно-бюрократические методы управления, неразвитость общественной жизни» [11, с. 219]. Подобные проблемы были не только в Сибири, но и проявлялись на всех окраинах Российской империи.

Колонизация – это одна из базовых характеристик фронтальной концепции. Ф. Дж. Тернер термином «фронт» (*frontier* – граница, рубеж) обозначал осваиваемую колонистами приграничную полосу «свободных земель» во внутренних районах Северной Америки, которая постоянно менялась, отодвигалась («подвижная граница») в ходе экспансии на Запад. Таким образом, он придавал концепции прежде всего историко-географическое значение с вытекающими отсюда социально-экономическими и политическими мотивами переселенцев. Со временем, когда «фронт» достиг своего географического предела, ученые уже разных направлений использовали эту концепцию в социокультурном значении, а идеи фронта стали разрабатываться не только географами и историками, но и психологами, и философами, что позволило концепции выйти на междисциплинарный уровень.

В самой типологизации фронта сегодня нет единого мнения, а типов (видов) фронта выделено несколько десятков. Один из последователей Ф. Дж. Тернера Р.А. Биллингтон выделил до 20 типов (траперский, торговый, шахтерский и т.д.), которые в основном носят хозяйственный характер

[16]. Российские ученые также пытались выделить его виды, например, внешний, внутренний, внутрицивилизационный [13. с. 101]. Современные отечественные исследователи О.С. Якушенкова, С.Н. Якушенков, А.П. Романова на примере сравнительного анализа американского фронта в Северной Америке и российского на Кавказе выделили четыре этапа фронта: ранний фронт, фронт, постфронт, рефронт [14, 15]. Такую этапированность в рамках исторического подхода считаем резонной и логичной.

Хотя в работах Тернера диффузно и содержатся такие признаки фронта, как «...окраинность заселенной территории; противостояние дикости и цивилизации; сопротивление властям, свобода, демократизм, либерализм; полиэтничность и поликонфессиональность, религиозная свобода; индивидуализм, отрицание старого, новое поле возможностей и т. д.» [7. с. 5], вместе с тем интересной с научной точки зрения, является и систематизация фронтных характеристик сибирским философом И.П. Басалаевой [3]. Автор заметила, что: «Само понятие «фронт» недостаточно концептуализировано: в большинстве... работ оно как нечто самоочевидное вообще не определяется, либо определяется не вполне понятно; имеющиеся «типологии» фронта выполнены с превышением меры метафоричности и вне единого основания. Внутринаучная полемика по теоретическим аспектам концепции бедна. Все это существенно препятствует пониманию фронта как внутренне целостного социального процесса...» [Там же. с. 46]. Вместе с этим она выделила центральную неразрешенную проблему «...отсутствия четких критериев фронта». Исследователь фронта И.П. Басалаева попыталась осуществить интервенции в поле социологии, теоретической географии, философии, в поле, занимающееся пространственностью как таковой. Таким образом, она выделила ряд следующих критериев: 1) этнокультурная неоднородность групп и территорий; 2) неравная численность фронтующих групп; 3) амбивалентно-конфликтное взаимодействие фронтующих групп; 4) изначальная гендерная диспропорция в доминантной фронтующей группе; 5) дальнейшая социокультурная и этническая ассимиляция фронтных групп; 6) маргинальное («окраинное»,

«украинное») геополитическое расположение фронтной территории; 7) отсутствие четких границ (государственных, внутренних); 8) квазиграничность (наличие «естественных пограничных рубежей», зонированных пространство фронта); 9) центрирование фронтной зоны очагами «городской жизни» (локальных эпицентров имперского влияния); 10) де-факто колониальный статус территории; 11) отсутствие теоретически осмысленной целенаправленной региональной политики; 12) номинальный характер государственной власти; 13) отличие системы управления от таковой в метрополии, рыхлость административно-управленческой структуры; 14) компрадорская по своей сути «местная» элита-нерезидент; 15) «административное бесправие» и произвол; 16) более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности, несформированность постоянного (местного) населения.

Н.Ю. Замятина обобщенно охарактеризовала фронт как «зону неустойчивого развития» [Цит. по: 2. с. 55]. Л.В. Баева в своей статье [Там же. с. 55], поясняя особенности всех смысловых значений фронта, выделила следующие основные виды: цивилизационный (в классическом варианте - территория подвижной границы между «цивилизацией» и «дикостью»), межкультурный фронт (как пограничье между культурами), конфессиональный («область проникновения той или иной религиозной системы на новые для нее территории» с вытекающим отсюда доминированием одной религиозной системы над другой), этнический (антропологический, область взаимодействия двух или более этносов), языковой (лингвистический, область проникновения нового языка), ментальный (теоретический, парадигмальный; граница между разными духовными традициями); военно-политический (зона влияния или расположения военных сил); технологический (область перехода из одного технологического уклада в другой); информационный (область проникновения новой информации); ценностный (область встречи двух или более ценностных систем с возможной будущей трансформацией). Автор приходит к выводу о том, что указанные ею виды фронтов не проявляются одиночно и на практике они встречаются в совокупности, налагаясь один на другой.

Как видим, современные ученые существенно расширили концепцию, выделили этапы фронта и его виды, попытались разработать базовые признаки концепции, так как критерии, выделенные Тернером, не всегда удовлетворяют понятию «фронт», используемому сегодня в более широком смысле. Сегодня основной посыл исследователями делается на то, что граница-фронт уже не является просто линейным административно-географическим рубежом государства. Фронт проявляет себя как явление между «своими» и «другими» с необязательными картографическими линиями границы. Профессор Центральноевропейского университета в Будапеште Альфред Рибер (Alfred J. Rieber), используя компаративистский подход, в своей статье заключает, что «тернеровское представление о границе, как о разделительной линии между “дикостью” и “цивилизацией” или как поступательного движения в “пустые земли” под воздействием антропологии, превратилось в концепцию границы как зоны взаимодействия, которое вовлекает два или более ранее замкнутых общества в разнообразные культурные и торговые “пограничные обмены”» [8, с. 214]. Для такой зоны контакта, которая характерна не только для окраин Российской империи, но и для периферии Китайской и Британской империй (например, северо-запад Индии), он ввел понятие “пористая граница”, для которой четкую грань провести сложнее. По его мнению, «Российская и Китайская империи демонстрировали скорее тенденцию к ассимиляции или сосуществованию с завоеванными народами и их культурами, нежели к изгнанию или уничтожению населения приобретенных территорий, как это произошло в случае США, Канады, Австралии и Новой Зеландии» [Там же. с. 213].

Обобщая различные исследования по изучению границы в Северной Америке, Южной Африке, Австралии, А. Рибер вывел методологическую формулу, «основанную на трех фундаментальных элементах: с точки зрения географии и пространства [разрядка - Е.К.], граница рассматривалась скорее как зона, насыщенная возможностями, привлекательностью и ресурсами, нежели как линия; с культурной точки зрения, граница виделась

как взаимопроникновение двух прежде замкнутых обществ, одно из которых являлось коренным, а другое – наступающим; с процессуальной точки зрения, история границы выступала как процесс, начинавшийся с открытия границы в результате прибытия представителей наступающего общества и заканчивающийся закрытием границы и установлением политической гегемонии посредством уничтожения (Тасмания), изгнания (регион за Миссисипи), подчинения (Южная Африка), либо инкорпорации (Бразилия) местного населения» [Там же. с. 216]. Для российского фронта по всему периметру государства, применимы все три указанных элемента. Относительно последнего элемента важно заметить, что политическая гегемония в нашей стране достигалась посредством подчинения и постепенной инкорпорации местного населения, уничтожение и изгнание ни центральным правительством, ни местной администрацией не допускалось. Местная администрация в лице генерал-губернаторов обладала гораздо большими полномочиями, чем руководители центральных губерний. Например, в Сибири, как заметил В.В. Шевцов: «близость большой политики в большей степени ощущалась в Восточной Сибири, которая являлась еще осваиваемым пограничным регионом, в котором генерал-губернаторская власть была призвана не только управлять двумя крупнейшими губерниями – Енисейской и Иркутской, но и представлять стратегические интересы всей Российской империи в отношениях с восточными соседями, руководить укреплением новых границ и содержать войска в повышенной боевой готовности» [11, с. 219].

Российское государство, как отмечает Л.И. Шерстова, формировалось как «централизованное, но полиэтничное образование», в котором вместе с «государствообразующим» этносом «проживали и другие народы» [12, с. 193]. Учитывая, что формирование полиэтничных государств всегда сопровождалось территориальными изменениями (чаще – приобретениями), а следовательно – включением все больших этнических групп, то в этом процессе имелось свое отличие в виде зависимого положения включенных этнических групп. Как пишет исследовательница, «особенностью поло-

жения... групп..., было минимальное вмешательство власти в их внутреннюю структуру при полном и безоговорочном политическом и экономическом подчинении господствующему этносу» [12, с. 193]. Но даже не смотря на господствующую «концепцию эволюционизма», оправдывавшую «обязательное вмешательство европейцев в жизнь «примитивных» народов, т.е. политику колониализма», Л.И. Шерстова на примере «Устава об управлении инородцев» (1822) приводит пример определенных прав аборигенов Сибири на земли, самоуправление, на обычное право и свободу вероисповедания [12, с. 193]. Это может служить отличительной особенностью российского фронта и примером успешной инкорпорации присоединенных территорий и народов.

Применение фронтальной методологии, в

целом, целесообразно в настоящее время для изучения процессов, происходивших во второй половине XIX в. на центральноазиатском направлении российской внешней, а затем и внутренней политики (после присоединения Средней Азии). Этот макрорегион со второй половины позапрошлого столетия был местом столкновения интересов Британии, России, Китая (Восточный Туркестан). В «большой игре» он занимал важную геополитическую роль для ведущих европейских держав. Вместе с этим, Российская империя теперь должна была решать внутренние специфические задачи новоприсоединенного края. Таким образом, концепция фронта, разработанная Ф.Дж. Тернером в конце XIX в. будет актуальна и в изучении процессов, происходивших в Русском Туркестане после его присоединения.

Список литературы

1. Американские исследования в Сибири: материалы международной научной конференции "Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)" 4-6 октября 1996 г. Вып. 2 / Том. гос. ун-т; Управление культуры мэрии г. Томска ; [редкол.: М. Я. Пелипас (отв. ред.) и др.]. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. – 304 с.
2. Баева Л.В. Зона Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья как фронт: классификация и характеристика // Материалы Всероссийской научной конференции «Границы и пограничье в южнороссийской истории». Южный федеральный ун-т, Ин-т истории и международных отношений. Ростов н/Д, 26-27 марта 2014 г. – Ростов н/Д., 2014. – С. 54-62.
3. Басалаева И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 46-49.
4. Панарина Е.С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география [Электронный ресурс]. – Б. м., 2013. Т. 2. № 1. – С. 39-52. URL: <http://www.gumgeo.ru/ndex.php/gumgeo/article/view/60> (дата обращения 03.12.2017).
5. Резун Д.Я. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д.Я. Резун, М.В. Шиловский. – Новосибирск: Сова, 2005. – 193 с.
6. Ремнев А.В. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века : монография / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. – Омск: Издательский дом «Наука», 2013. – 248 с.
7. Романова А.П. Специфика раннего фронта на Кавказе // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2014. – №08(102). С. 446 – 458. – IDA [article ID]: 1021408028. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/08/pdf/28.pdf> (дата обращения 03.12.2017).
8. Рибер Альфред, Меняющиеся концепции и конструкции фронта // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала "Ab imperio") / Под. ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. – Казань: "Центр Исследований Национализма и Империи", 2004. – 652 с.
9. Тернер Фредерик Дж. Фронт в американской истории / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. – 304 с.
10. Тихонов А.А. Фронт Сибирский и Американский: точки зрения // Материалы научно-практической конференции «Вагановские чтения-2010» [Электронный ресурс]. URL:

http://samlib.ru/t/tihonov_zh_graniy/frontirsibirskijamerikanskijtochkizrenija.shtml (дата обращения 26.12.2015).

11. Шевцов В. В. Международная тематика на страницах сибирских официальных газет (вторая половина XIX – начало XX в.) / Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте: материалы Международной научно-практической конференции (15-18 октября 2014 г.) / отв. ред. О. И. Лепилкина, С. В. Серебрякова. — Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. — С. 218-222.

12. Шерстова Л.И. Евразийские константы в картине мира народов Северной Азии // Вестник Томского государственного университета. — 2017. - № 422. — С. 191-196.

13. Шиловский М.В. Фронтир и переселения: сибирский опыт // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. — С. 101-108.

14. Якушенкова О.С. Женщина на американском фронтире. Астрахань: Издатель Роман Сорокин, 2012. — 220 с.

15. Якушенков С.Н. Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России / С.Н. Якушенков, А.П. Романова // Инноватика и экспертиза. 2012. Вып. 2. С. 74–80.

16. Billington R.A. Westward Expansion: A History of the American Frontier. N.Y.: Macmillan, 1960. — 933 p.

THE FRONTIER CONCEPT IN THE MODERN RUSSIAN LITERATURE: HEURISTIC POSSIBILITIES AND APPLICATION LIMITS

The article considers the present state of the frontier concept in Russia on the basis of a comparative analysis of the works of mostly Russian scientists. Relying on the classic definition of the frontier, Russian researchers expanded understanding of the frontier, denoting a number of features and criteria. However the concept of the frontier began to develop in Russian science only in the last quarter of the century. The article attempts to combine the most important definitions of this concept by modern Russian researchers and to reveal the basic elements of the frontier. Since the concept is applicable to the process of expanding borders, in the broadest sense of the word (“native” – “alien”), it seems possible that it can be used in studying the process of expanding Russian imperial borders on the outskirts of the Russian Empire. Clear criteria for the frontier are needed for that; it is important to determine its types in order to define the components of Russian domestic and foreign policies, studying the process of advance of the Russian Empire to its borders. The Asian direction of Russian foreign and, then, domestic policy requires special consideration, because it has never been studied from the point of view of the frontier theory. Nowadays, when the historical science accumulated numerous narrative material on the history of colonization, its interpretation by means of the frontier methodology seems actual and interesting.

Keywords: frontier, F. J. Turner, Russian Empire, 19th century, colonization, typology of the frontier, criteria for the frontier, border.

References

1. Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Amerikanskiy i sibirskiy frontier (factor granitsy v amerikanskoj i sibirskoj istorii)”, October 4–6 1996. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1997, Is. 2. 304 p.

2. Bayeva L. V. Zona Severnogo Prikaspiya i Nizhnego Povolzhya kak frontier: klassifikatsiya i kharakteristika [Zone of Northern Caspian and Lower Volga Region as a Frontier: Classification and Characteristics]. Materialy Vserossiyskoj nauchnoy konferentsii “Granitsy i prigranichye v yuzhno-rossiyskoj istorii», Rostov on Don March 26–27 2014. Rostov on Don, 2014, p. 54–62.

3. Basalayeva I. P. Kriterii frontira: k postanovke problemy [Criteria for the Frontier: to the Formulation of the Problem]. Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya, 2012, No. 2, p. 46–49.

4. PanarinaYe. S. Mify i obrazy sibirskogo frontira [Myths and Images of the Siberian Frontier]. Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya, 2013, Vol. 2, No. 1, p. 39–52. Available at: <http://www.gumgeo.ru/ndex.php/gumgeo/article/view/60> (accessed 03.12.2017).

5. RezunD. Ya., ShilovskiyM. V. Sibir', konets XVI – nachalo XX v.: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov [Siberia, Late XVI – Early XX Century: the frontier in the Context of Ethnosocial and Ethnocultural Processes]. Novosibirsk, Sova, 2005. 193 p.

6. RemnevA. V., Suvorova N. G. Kolonizatsiya Aziatskoj Rossii: imperskiye i natsional'nyye

stsenarii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Colonization of Asian Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the XIX – Early XX Century]. Omsk, Nauka, 2013. 248 p.

7. Romanova A. P. Spetsifika rannego frontira na Kavkaze [Specificity of the Early Frontier in the Caucasus]. Politematicheskii elektronnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, 2014, No. 8 (102), p. 446–458. Available at: <http://ej.kubagro.ru/2014/08/pdf/28.pdf> (accessed 03.12.2017).

8. Riber A. Menyayuschiesya kontseptsii i konstruksii frontira [The Changing Concepts and Constructions of the Frontier]. Novaya imperskaya istoriya postsovetского prostranstva. Ed. I. V. Gerasimov, S. V. Glebov, A. P. Kaplunovskiy, M. B. Mogil'ner, A. M. Semenov. Kazan, Tsentr Issledovaniy Natsionalizma i Imperii, 2004. 652 p.

9. Turner F. J. The Frontier in American History. New York, Henry Colt and Company, 1920. 375 p. (Russ. ed.: Ternier F. Dzh. Frontir v amerikanskoy istorii. Moscow, Ves' Mir, 2009. 304 p.).

10. Tikhonov A. A. Frontir Sibirskiy i Amerikanskiy: tochki zreniya [Siberian and American Frontier: Points of View]. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Vaganovskiye chteniya-2010". Available at: http://samlib.ru/t/tihonov_zh/graniy/frontirsibirskijiamerikanskiytochkiizreniya.shtml (accessed 26.12.2015).

11. Shevtsov V. V. Mezhdunarodnaya tematika na stranitsakh sibirskikh ofitsial'nykh gazet (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [International Themes on the Pages of Siberian Official Newspapers (the Second Half of XIX – Early XX Century)]. Media i mezhkulturnaya kommunikatsiya v yevropeyskom kontekste: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (October 15–18 2014). Ed. O. I. Lepilkina, S. V. Serebryakova. Stavropol, SKFU, 2014, p. 218–222.

12. Sherstova L. I. Yevraziyskiye konstanty v kartine mira narodov Severnoy Azii [Eurasian Constants in the Picture of the World of the Peoples of North Asia]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, No. 422, p. 191–196.

13. Shilovskiy M. V. Frontir i pereseleniya: sibirskiy opyt [The Frontier and Resettlements: the Siberian Experience]. Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe. Novosibirsk, 2003, is. 3, p. 101–108.

14. Yakushenkova O. S. Zhenschina na amerikanskom frontire [Woman on the American Frontier]. Astrakhan, Izdatel' Roman Sorokin, 2012. 220 p.

15. Yakushenkov S. N., Romanova A. P. Frontirnaya teoriya: novyy podhod k osmysleniyu sotsial'no-politicheskoy i ekonomicheskoy situatsii na yuge Rossii [The Frontier Theory: a New Approach to Understanding Sociopolitical and Economic Situation in the South of Russia]. Innovatika i ekspertiza, 2012, i. 2, p. 74–80.

16. Billington R.A. Westward Expansion: A History of the American Frontier. New York, Macmillan, 1960. 933 p.

Об авторе

Крупенкин Евгений Николаевич - аспирант кафедры отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия), E-mail: e.krupenkin@mail.ru

Krupenkin Yevgeniy Nikolayevich – postgraduate student of the Department of Russian History of the Faculty of History, National Research Tomsk State University, E-mail: e.krupenkin@mail.ru